

СУТАНА БОГОБОРЦА

Алексей Сурож

Алексей Сурож

СУТАНА БОГОБОРЦА

«Автор»

2026

Сурож А.

СУТАНА БОГОБОРЦА / А. Сурож — «Автор», 2026

АННОТАЦИЯ К КНИГЕ «СУТАНА БОГОБОРЦА» Том I: Южное кольцо. Хроники невидимой Вертикали
Аннотация: Век Железа умирает, уступая место веку Бумаги. Для миллионов верующих XI столетия церковные проклятия и крестовые походы — это священный экстаз и битва за спасение души. Но в полумраке Латеранского казначейства и на весах менял моста Риальто священная война превращается в первый в истории в комьенду. Камерарий Апостольского Престола Люциус де ла Коста не обнажает меча. С помощью банковских гарантий Венеции он запускает невидимый механизм, способный подчинять себе королей и стирать с карты целые государства. Пока германские панцирщики графа Ульриха куют в Милане новые доспехи, а норманнские волки Русселя де Бейля готовятся к таранному удару в Анатолии, Машина Счета уже выставляет Византийской империи смету за её собственную гибель. Это история о том, как сакральная вера была конвертирована в жесткую ликвидность, а Меч суверенов проиграл птичьему перу клирика.

© Сурож А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Сурож

СУТАНА БОГООБОРЦА

Глава 1

ПРОЛОГ. АНАТОМИЯ СВЯЩЕННОГО ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

Локация: Границы Священной Римской империи (Германия) — Гослар. 1046 год.

Западная Европа середины XI века медленно задыхалась в липком, оцепенелом и парализующем страхе. Приближение первой половины первого тысячелетия от Рождества Христова казалось мириадам верующих — от нищего швабского смерда до знатного саксонского графа — явным, неоспоримым предзнаменованием близкого и страшного Конца Света. Небо словно навсегда отвернулось от грешной земли, погрязшей в пороках: изнуряющие, гнилые дожди, шедшие неделями, сменялись мертвой черной засухой, неурожай подчистую косили целые графства, а по разбитым дорогам, сея панику, ползли безжалостные эпидемии «антониева огня». Люди заживо гнили в страшных корчах на церковных папертях, а земная Церковь, разъедаемая грехом симонии и торговлей санами, более не могла защитить их перед разгневанным Создателем. Мир Меча и Веры застыл в ожидании палаческого удара, не зная, где искать спасения.

Германский король Генрих III, которого за мрачный нрав, смуглую кожу и непреклонную, леденящую суровость уже начали именовать Чёрным, искренне и истово верил в свою священную миссию. Он не считал себя просто светским правителем, удерживающим лоскутную империю границами и щитовыми сборами — его тяжелая литая корона была для него прямым божественным мандатом, выданным Самим Творцом. Генрих верил, что его личный, экзистенциальный долг перед Небом — железной рукой исправить погрязшую в скверне земную веру, очистить Римский престол от симонистов и тем самым задобрить разгневанного Господа, остановив мор, голод и распад Ойкумены.

Император мыслил категориями абсолютного порядка: если наместники Святого Петра погрязли во взятках, значит, Меч государя обязан войти в храм и навести там чистоту. Генрих III строил безупречную военную и административную машину, намертво привязывая управление государством к покорным, образованным немецким епископам, которых он лично назначал своим королевским кольцом. На его границах швабские и саксонские хоругви ломали хребты строптивым соседям, а железные рыцарские клинья империи казались современникам неостановимыми.

Но этот великий правитель, ослепленный величиим своего замысла, оставался абсолютно слеп перед законами макроэкономики. Он верил, что его Железо способно вечно держать Дух под замком, не понимая, что, вычищая Церковь от старого хаоса, он подготавливает идеальную, стерильную почву для Новой Вертикали. Империя Чёрного кайзера приготовилась двинуть свои стальные полки на юг, к Риму, ведомая благими намерениями своего монарха. Счета первой главы были открыты.

Часть 1. Благие намерения

Причины феноменального успеха и стабильности Священной Римской империи крылись в жестком, новаторском расчете. В отличие от своих предшественников, Генрих намертво завязал управление государством на Церковь. Он лично, своим королевским кольцом, назначал

верных, образованных немецких епископов на кафедры, лишая местную родовую аристократию возможности сажать на святые места своих непутевых сыновей. Его границы были спокойны: на востоке имперские хоругви нанесли сокрушительные поражения полякам, а строптивая Венгрия после тяжелых походов признала себя вассалом Гослара. Опираясь на поддержку мелкого рыцарства и министерялов, которым он даровал привилегии в противовес великим герцогам, Генрих III создал великолепно работающую военную машину.

География его владений поражала воображение: империя простиралась от суровых, поросших вековыми дубравами лесов Саксонии и холодных вод Балтики до полноводного Рейна, цветущих долин Лотарингии, предгорий Альп и обширных равнин Бургундии. Это было колоссальное, пестрое лоскутное одеяло из сотен графств, епископств и аббатств, удерживаемое от распада лишь авторитетом одного человека.

И именно в эту гигантскую стальную реку, собиравшуюся в поход на Рим, влился Ульрих. Юноша происходил из благородного, но совершенно обнищавшего франконского рыцарского рода. Его покойный отец, старый ветеран имперских войн, с самого детства готовил из младшего сына конного воина. С малых лет Ульриха гоняли на тощих рабочих кобылах до седьмого пота, вбивая в мышечную память тактику сокрушительного таранного удара и удержание равновесия в глубоком рыцарском седле. Отец передал ему безупречную выучку, но не смог оставить главного — денег. В семье не было ни единого медного гроша на покупку боевого коня, кольчужного хауберка или турнирного щита. Вынужденный скрывать свое дворянское происхождение под грубым сукном, Ульрих явился в королевский лагерь под Майнцем накануне выступления, экипированный как обычный тяжелый пехотинец.

Парень был среднего роста, но его телосложение сразу выдавало в нем человека, рожденного исключительно для войны. Он был сухим, жилистым, сотканным из крепких мышц и сухожилий, без единой капли лишнего жира. Широкие плечи сочетались с узкими бедрами, а ноги юноши были привычно изогнуты под стать крупу боевого коня — повадка прирожденного кавалериста, вынужденного шагать пешком.

Снаряжение юноши выглядело жалко, но хранило следы былой рыцарской гордости отца. На нем была старая, потемневшая от сырости кожаная куртка-колет, на которую кое-где были нашиты тусклые железные пластины, стянутые пересохшими ремнями. Кольчужные кольца прикрывали лишь шею и плечи в виде ржавой бармицы, свисавшей со старого конического шлема. Сам шлем, помятый в былых походах, имел глубокую трещину на макушке и шатающийся наносник, едва защищавший лицо. Единственным настоящим сокровищем Ульриха был отцовский тяжелый спату — длинный, прямой франкский меч с массивным круглым навершием, запятанный в потертые деревянные ножны, обтянутые потрескавшейся кожей. Меч был тщательно вычищен, но его эфес выдавал бедность хозяина — обмотка из пеньковой веревки вместо серебряной проволоки. Тяжелый круглый щит из обтянутого кожей бука с кованым умбоном в центре довершал его скромное воинское убранство.

Войдя в лагерь, Ульрих замер, оглушенный масштабом. Вокруг, сколько хватало глаз, колыхалось море из тысяч холщовых палаток и кожаных шатров. Воздух был густым от дыма костров, на которых в огромных котлах варилось пшено, пахло дегтем, навозом, мокрой шерстью и жареным салом. Повсюду звенели кузнечные молоты, ржали кони, а сотни мужчин на десятках германских диалектов чистили доспехи, спорили и резались в кости. Лагерь жил по строгому имперскому уставу: палатки хоругвей стояли четкими, ровными линиями, разделенными широкими проходами, у которых бдительно несла службу стража с алебардами.

Ульрих уверенно шагал мимо палаток, выделяясь среди наемников своей жесткой военной осанкой, пока наконец не нашел своего десятник — Вольфа.

Вольф оказался настоящим великаном — старым, добрым и могучим воином. Из-под его глубокого капюшона виднелась густая седая борода, а широкое лицо, испещренное шрамами, дышало суровым добродушием, хотя взгляд выдавал человека честного, но слегка неда-

лекого. На его массивной груди красовалась старая, толстая, но заботливо вычищенная от ржавчины кольчуга-хауберк, доходившая до колен. У пояса великана висел тяжелый боевой топор с длинным, потемневшим от времени топорищем, а за плечами виднелся широкий каплевидный щит с оббитым железом краем. Ульрих вытянулся в струну, стараясь придать своему голосу побольше веса, представился и познакомился со своим новым отрядом.

Вольф смерил новобранца пронизательным взглядом ветерана, сплюнул под ноги струю соломенной жути и хмыкнул: — Франкония, значит. Из бедных рыцарей, судя по смазанному отцовскому мечу. Да и походка у тебя, малый, конная — седло за версту чуешь. Ну, добро пожаловать в наш свиарник. Вот твоё место у костра, вот твои товарищи.

Оценив плачевное состояние защитного доспеха юноши, великан сокрушенно покачал головой. Заклепки на плечах куртки едва держались, а треснувший шлем не выдержал бы и первого скользкого удара. Вольф запустил руку в грязный кожаный кошель, выудил оттуда две мелкие серебряные монеты и швырнул их Ульриху. — Держи, — басовито проворчал командир. — Дуй к кузнецам в конец третьей линии, пусть подлатают твой горшок. Нам покойники в первом марше не нужны.

Ульрих поблагодарил и поспешил по указанному адресу. На одном из перекрестков лагерного тракта ему пришлось прижаться к палатке — мимо него рысью пронесся плотный отряд тяжелой королевской конницы. Ульрих заворуженно, едва ли не с благоговением смотрел на них. Под всадниками шли огромные, сытые дестриэ, чьи крупы лоснились на солнце. Сами рыцари были закованы в длинные, до колен, сверкающие кольчужные хауберки, их каплевидные щиты были украшены яркими королевскими львами, а на шлемах развевались шелковые султаны. В душе парня вспыхнула обжигающая, острая зависть. Он до боли в кулаках хотел стать таким же конным рыцарем, но понимал: раздобыть средства на такую бронированную роскошь и коня безродный выскочка может только в бою, вырвав добычу из рук убитого врага.

Дойдя до палатки походного кузнеца, где жарко полыхал горн и пахло окалиной, Ульрих начал яростно торговаться. Кузнец, потный, с закопченным лицом, долго крутил в руках его старый шлем. — ...Три денария за починку и новые ремни, парень. — У меня есть только два, — Ульрих выложил монеты Вольфа. — Но посмотри на этот шлем, его носил мой отец! Давай я отдам его тебе в переплавку, а ты дашь мне вон тот, с широкой полумаской, с моей доплатой?

Кузнец прищурился, взвесил старый шлем на руке, оценил хорошую саксонскую сталь и нехотя кивнул, выставив взамен крепкий, глубокий шлем с надежной защитой глаз. Ульрих примерил его — подошел идеально. Парень повернул голову и заметил на прилавке великолепную, плотную кольчугу двойного плетения, пахнущую свежим маслом. На мгновение его сердце замерло. Он бережно взял ее в руки, примерил к груди, но, узнав от кузнеца заоблачную цену в тридцать золотых солидов, со вздохом положил обратно на деревянный прилавок. «Ничего, — упрямо подумал Ульрих, поправляя новый шлем. — Все мое время. Мой меч еще возьмет свое в Италии». Парень был полон юношеского амбициозного оптимизма.

В это же самое время через главные ворота резиденции Генриха III въезжал на уставшей лошади Люциус. Он только что вернулся из изнурительной, трехнедельной инспекции соседнего Графства, где проверял сбор королевской десятины и лояльность местных судей. Его глазами мы видим, как монументально обустроился Чёрный кайзер: замок Гослар окружали мощные, заложенные заново каменные стены с глубокими рвами, на башнях бдительно несли вахту отборные стрелки в королевских ливреях, а вокруг, до самого горизонта, расстилались тучные, ухоженные саксонские поля. Здесь всё дышало порядком, дисциплиной и силой.

Спустя час в полумраке королевской палаты, где пахло воском и сухими травами, собрался узкий круг доверенных лиц. За столом сидели сам император Генрих III, Люциус, влиятельный маркграф Экхард и консервативный епископ Герман. Типажи присутствующих резко контрастировали. Генрих III сидел неподвижно, его смуглое лицо с жесткой линией подбородка казалось высеченным из мореного дуба, а темные глаза смотрели тяжело, подавляя

чужую волю. Рядом с ним Люциус — бледный, худой, с тонкими губами и холодными, как лед, глазами счетовода — бесшумно перебирал свитки, двигаясь с грацией ночной тени. Маркграф Экхард, напротив, был огромным, громогласным воином с пышными рыжими усами и багровым от постоянного пребывания на ветру лицом, его манеры были по-солдатски прямыми и резкими. Епископ Герман, пожилой мужчина с мягким, усталым лицом, облаченный в тяжелую темную рясу, непрерывно перебирал пальцами четки, олицворяя собой консервативную осторожность Церкви. Они обсуждали главный, взрывоопасный вопрос — предстоящую замену римских пап.

Генрих III был радикален и суров: — В Риме творится кошунство, превосходящее всякую меру! Три лавочника одновременно называют себя престолонаследниками Святого Петра, скупая голоса кардиналов за золото! Церковь превратилась в рынок! Я очищу этот вертеп. Мы низложим всех троих и поставим на кафедру нашего, чистого духом немецкого епископа, который вернет миру закон!

Епископ Герман консервативно покачал головой. Из широкого рукава своей рясы он медленно извлек и положил на стол три пожелтевших пергаментных свитка с тяжелыми свинцовыми печатями: — Великий король, дальше так жить действительно нельзя, это факт. Но посмотри, что они присылают. Вот три письма от трех разных пап со взаимными проклятиями и указаниями такого рода абсурдности, что у любого канониста волосы встают дыбом. Бенедикт требует отдать ему доходы с монастырей Лотарингии, Сильвестр проклинает Бенедикта, а Григорий умоляет нас о защите, намекая на взятки. Рим потерял разум. Но ты не можешь просто прийти и выкинуть их, Генрих! Король не имеет права судить понтификов, это нарушает древний закон Церкви!

— Закон, который защищает воров и симонистов, мертв, Герман, — ледяным тоном вмешался Люциус, не поднимая глаз от счетной книги, где он методично скрипел пером. — Я пересчитал наши расходы на этот поход. Казна империи пуста наполовину. Каждый день задержки под Майнцем стоит нам триста серебряных марок на прокорм хоругвей. Если мы не решим вопрос с Римом быстро, вассалы начнут роптать.

Маркграф Экхард сидел, нервно побарабанивая пальцами по рукояти кинжала. Его манеры были грубыми, военными: — Кайзер, Люциус прав насчет денег, но мы должны отложить поход хотя бы на две недели! Мои люди составили целый список того, что нам не подвезли: овес для дестриэ застрял на переправах во Франконии, половина телег обоза не укомплектована кожаными ремнями, а кованое железо из лангобардских кузниц задерживается. Армия не готова идти через горы в такую сырость!

Генрих III медленно поднялся. Воздух в палате мгновенно похолодел. Император сверлил маркграфа глазами несколько секунд, а затем в своей фирменной, жесткой и бескомпромиссной манере отчеканил: — Три дня, Экхард. Три дня на сборы, и ни единым часом больше! На четвертый рассвет армия должна стоять в походных колоннах на южном тракте. А если твой обоз застрянет и моим людям не будет хватать еды в горах, запомни, маркграф: я тебя первого посажу на самый голодный паек и заставлю твоего коня жрать болотную траву. Свободны.

Вернувшись от кузнеца, Ульрих направился к расположению своего отряда. Сгущались сумерки, лагерь затихал, и повсюду разгорались костры. Франконец присел на поваленное бревно, где уже собрался его десяток. В центре круга сидел сам десятник Вольф. Изрядно разгоряченный выпитым кислым маркитантским элем, старый могучий великан, размахивая руками, всю хвастался перед новобранцами своими прошлыми походами. Он явно привирал, но самую малость — чисто для того, чтобы придать веса своим словам и подзадорить молодых: — ...и тут я, значит, выхожу против вестфальских рубак! Их трое, щиты стеной держат. Первому сразу сулицей в сочленение доспеха попал, второму обухом челюсть снес, а третий как увидел мою ярость — так и попятился, за кусты прятаться! — Вольф победоносно забил себя кулаком в мощную грудь.

Новобранцы вокруг, раскрыв рты от изумления, заворожено слушали эти байки, ловя каждое слово. Хотя рассказы великана слегка и преувеличивали масштаб его личной свирепости, они вполне вязались с его грозной, вышколенной боевой выправкой — перед ними сидел умудренный опытом, матерый пёс войны. Ульрих, сразу раскусив безобидное бахвальство командира, лишь тихонько улыбнулся. Однако он благоразумно помалкивал, еще глубже накинув капюшон плаща на голову — воинская субординация была для него превыше всего.

Ульрих придвинулся ближе к костру. Блеск королевских хауберков, увиденных днем, не шел у него из головы. В Италии пахло большими деньгами, и франконцу позарез нужен был этот марш. — Послушай, Вольф, — негромко спросил Ульрих, уважительно глядя на великана. — Ты человек опытный, полсвета прошел. Скажи, куда конкретно марширует эта огромная королевская лавина? И что там, за горами, с военной добычей? Нам, пехоте, удастся хоть что-то урвать в этой Италии?

Вольф хмельно хмыкнул, вытер усы рукавом и посмотрел на юношу с высоты своего опыта: — Куда идем? На Рим, парень, — десятник понизил голос. — Места там, конечно, баснословно богатые, жирные. Мрамор, шелка, золото... Но ты губы-то особо не раскатывай. Мы — пехота, копатели рвов и живой заслон для господ. Если нам что после боя и перепадает, то сущие крохи. Жалкие медные гроши. На то конное снаряжение, о котором ты бредишь, тебе точно не хватит, даже если ты три похода пройдешь без единой царапины. — Вольф хитро прищурился и подмигнул: — Разве что мы всем лагерем штурмом возьмем и до нитки разграбим сам папский дворец вместе с его золотыми сундуками. Вот тогда бы зажили! Но кайзер за мародерство в Риме вешает без суда, так что забудь.

Ульрих промолчал, наматывая сказанное на ус. Вскоре костер начал угасать, и солдаты потянулись к палаткам. Юноша забрался в свой холщовый шатер, завернулся в колючий плащ и закрыл глаза. Перед сном его молодое, не знавшее настоящей крови воображение рисовало грядущий поход через Альпы в самых ярких, романтических и благородных красках. Ему виделись великие сражения, сияющие доспехи, верные боевые кони и слава, которая непременно вернет его роду былую силу и дворянское величие. Он заснул с улыбкой на губах, совершенно не подозревая, сколько грязи, пота и жестокого цинизма ждет его впереди.

Часть 2. ПОД КОПЫТАМИ БРЕННЕРА

Причины феноменального успеха и стабильности Священной Римской империи крылись в жестком, новаторском расчете. В отличие от своих предшественников, Генрих намертво завязал управление государством на Церковь. Он лично, своим королевским кольцом, назначал верных, образованных немецких епископов на кафедры, лишая местную родовую аристократию возможности сажать на святые места своих непутевых сыновей. Его границы были спокойны: на востоке имперские хоругви нанесли сокрушительные поражения полякам, а строптивая Венгрия после тяжелых походов признала себя вассалом Гослара. Опираясь на поддержку мелкого рыцарства и министерялов, которым он даровал привилегии в противовес великим герцогам, Генрих III создал великолепно работающую военную машину.

География его владений поражала воображение: империя простиралась от суровых, поросших вековыми дубравами лесов Саксонии и холодных вод Балтики до полноводного Рейна, цветущих долин Лотарингии, предгорий Альп и обширных равнин Бургундии. Это было колоссальное, пестрое лоскутное одеяло из сотен графств, епископств и аббатств, удерживаемое от распада лишь авторитетом одного человека.

И именно в эту гигантскую стальную реку, собиравшуюся в поход на Рим, влился Ульрих. Юноша происходил из благородного, но совершенно обнищавшего франконского рыцарского рода. Его покойный отец, старый ветеран имперских войн, с самого детства готовил из младшего сына конного воина. С малых лет Ульриха гоняли на тощих рабочих кобылах до седьмого пота, вбивая в мышечную память тактику сокрушительного таранного удара и удержание равновесия в глубоком рыцарском седле. Отец передал ему безупречную выучку, но не смог

оставить главного — денег. В семье не было ни единого медного гроша на покупку боевого коня, кольчужного хауберка или турнирного щита. Вынужденный скрывать свое дворянское происхождение под грубым сукном, Ульрих явился в королевский лагерь под Майнцем накануне выступления, экипированный как обычный тяжелый пехотинец.

Парень был среднего роста, но его телосложение сразу выдавало в нем человека, рожденного исключительно для войны. Он был сухим, жилистым, сотканным из крепких мышц и сухожилий, без единой капли лишнего жира. Широкие плечи сочетались с узкими бедрами, а ноги юноши были привычно изогнуты под стать крупу боевого коня — повадка прирожденного кавалериста, вынужденного шагать пешком.

Снаряжение юноши выглядело жалко, но хранило следы былой рыцарской гордости отца. На нем была старая, потемневшая от сырости кожаная куртка-колет, на которую кое-где были нашиты тусклые железные пластины, стянутые пересохшими ремнями. Кольчужные кольца прикрывали лишь шею и плечи в виде ржавой бармицы, свисавшей со старого конического шлема. Сам шлем, помятый в былых походах, имел глубокую трещину на макушке и шатающийся наносник, едва защищавший лицо. Единственным настоящим сокровищем Ульриха был отцовский тяжелый спату — длинный, прямой франкский меч с массивным круглым навершием, запрятаный в потертые деревянные ножны, обтянутые потрескавшейся кожей. Меч был тщательно вычищен, но его эфес выдавал бедность хозяина — обмотка из пеньковой веревки вместо серебряной проволоки. Тяжелый круглый щит из обтянутого кожей бука с кованым умбоном в центре довершал его скромное воинское убранство.

Войдя в лагерь, Ульрих замер, огушенный масштабом. Вокруг, сколько хватало глаз, колыхалось море из тысяч холщовых палаток и кожаных шатров. Воздух был густым от дыма костров, на которых в огромных котлах варилось пшено, пахло дегтем, навозом, мокрой шерстью и жареным салом. Повсюду звенели кузнечные молоты, ржали кони, а сотни мужчин на десятках германских диалектов чистили доспехи, спорили и резались в кости. Лагерь жил по строгому имперскому уставу: палатки хоругвей стояли четкими, ровными линиями, разделенными широкими проходами, у которых бдительно несла службу стража с алебардами.

Ульрих уверенно шагал мимо палаток, выделяясь среди наемников своей жесткой военной осанкой, пока наконец не нашел своего десятник — Вольфа.

Вольф оказался настоящим великаном — старым, добрым и могучим воином. Из-под его глубокого капюшона виднелась густая седая борода, а широкое лицо, испещренное шрамами, дышало суровым добродушием, хотя взгляд выдавал человека честного, но слегка недалекого. На его массивной груди красовалась старая, толстая, но заботливо вычищенная от ржавчины кольчуга-хауберк, доходившая до колен. У пояса великана висел тяжелый боевой топор с длинным, потемневшим от времени топорищем, а за плечами виднелся широкий каплевидный щит с оббитым железом краем. Ульрих вытянулся в струну, стараясь придать своему голосу побольше веса, представился и познакомился со своим новым отрядом.

Вольф смерил новобранца пронизательным взглядом ветерана, сплюнул под ноги струю соломенной жути и хмыкнул: — Франкония, значит. Из бедных рыцарей, судя по смазанному отцовскому мечу. Да и походка у тебя, малый, конная — седло за версту чувствуешь. Ну, добро пожаловать в наш свинарник. Вот твоё место у костра, вот твои товарищи.

Оценив плачевное состояние защитного доспеха юноши, великан сокрушенно покачал головой. Заклепки на плечах куртки едва держались, а треснувший шлем не выдержал бы и первого скользкого удара. Вольф запустил руку в грязный кожаный кошелек, выудил оттуда две мелкие серебряные монеты и швырнул их Ульриху. — Держи, — басовито проворчал командир. — Дуй к кузнецам в конец третьей линии, пусть подлатают твой горшок. Нам покойники в первом марше не нужны.

Ульрих поблагодарил и поспешил по указанному адресу. На одном из перекрестков лагерного тракта ему пришлось прижаться к палатке — мимо него рысью пронесся плотный

отряд тяжелой королевской конницы. Ульрих заворуженно, едва ли не с благоговением смотрел на них. Под всадниками шли огромные, сытые дестриэ, чьи крупы лоснились на солнце. Сами рыцари были закованы в длинные, до колен, сверкающие кольчужные хауберки, их каплевидные щиты были украшены яркими королевскими львами, а на шлемах развевались шелковые султаны. В душе парня вспыхнула обжигающая, острая зависть. Он до боли в кулаках хотел стать таким же конным рыцарем, но понимал: раздобыть средства на такую бронированную роскошь и коня безродный выскочка может только в бою, вырвав добычу из рук убитого врага.

Дойдя до палатки походного кузнеца, где жарко полыхал горн и пахло окалиной, Ульрих начал яростно торговаться. Кузнец, потный, с закопченным лицом, долго крутил в руках его старый шлем. — ...Три денария за починку и новые ремни, парень. — У меня есть только два, — Ульрих выложил монеты Вольфа. — Но посмотри на этот шлем, его носил мой отец! Давай я отдам его тебе в переплавку, а ты дашь мне вон тот, с широкой полумаской, с моей доплатой?

Кузнец прищурился, взвесил старый шлем на руке, оценил хорошую саксонскую сталь и нехотя кивнул, выставив взамен крепкий, глубокий шлем с надежной защитой глаз. Ульрих примерил его — подошел идеально. Парень повернул голову и заметил на прилавке великолепную, плотную кольчугу двойного плетения, пахнущую свежим маслом. На мгновение его сердце замерло. Он бережно взял ее в руки, примерил к груди, но, узнав от кузнеца заоблачную цену в тридцать золотых солидов, со вздохом положил обратно на деревянный прилавок. «Ничего, — упрямо подумал Ульрих, поправляя новый шлем. — Всеу свое время. Мой меч еще возьмет свое в Италии». Парень был полон юношеского амбициозного оптимизма.

В это же самое время через главные ворота резиденции Генриха III въезжал на уставшей лошади Люциус. Он только что вернулся из изнурительной, трехнедельной инспекции соседнего Графства, где проверял сбор королевской десятины и лояльность местных судей. Его глазами мы видим, как монументально обустроился Чёрный кайзер: замок Гослар окружали мощные, заложенные заново каменные стены с глубокими рвами, на башнях бдительно несли вахту отборные стрелки в королевских ливреях, а вокруг, до самого горизонта, расстилались тучные, ухоженные саксонские поля. Здесь всё дышало порядком, дисциплиной и силой.

Спустя час в полумраке королевской палаты, где пахло воском и сухими травами, собрался узкий круг доверенных лиц. За столом сидели сам император Генрих III, Люциус, влиятельный маркграф Экхард и консервативный епископ Герман. Типажи присутствующих резко контрастировали. Генрих III сидел неподвижно, его смуглое лицо с жесткой линией подбородка казалось высеченным из мореного дуба, а темные глаза смотрели тяжело, подавляя чужую волю. Рядом с ним Люциус — бледный, худой, с тонкими губами и холодными, как лед, глазами счетовода — бесшумно перебирал свитки, двигаясь с грацией ночной тени. Маркграф Экхард, напротив, был огромным, громогласным воином с пышными рыжими усами и багровым от постоянного пребывания на ветру лицом, его манеры были по-солдатски прямыми и резкими. Епископ Герман, пожилой мужчина с мягким, усталым лицом, облаченный в тяжелую темную рясу, непрерывно перебирал пальцами четки, олицворяя собой консервативную осторожность Церкви. Они обсуждали главный, взрывоопасный вопрос — предстоящую замену римских пап.

Генрих III был радикален и суров: — В Риме творится кощунство, превосходящее всякую меру! Три лавочника одновременно называют себя престолонаследниками Святого Петра, скупая голоса кардиналов за золото! Церковь превратилась в рынок! Я очищу этот вертеп. Мы низложим всех троих и поставим на кафедру нашего, чистого духом немецкого епископа, который вернет миру закон!

Епископ Герман консервативно покачал головой. Из широкого рукава своей рясы он медленно извлек и положил на стол три пожелтевших пергаментных свитка с тяжелыми свинцовыми печатями: — Великий король, дальше так жить действительно нельзя, это факт. Но посмотри, что они присылают. Вот три письма от трех разных пап со взаимными проклятиями

и указаниями такого рода абсурдности, что у любого канониста волосы встают дыбом. Бенедикт требует отдать ему доходы с монастырей Лотарингии, Сильвестр проклинает Бенедикта, а Григорий умоляет нас о защите, намекая на взятки. Рим потерял разум. Но ты не можешь просто прийти и выкинуть их, Генрих! Король не имеет права судить понтификов, это нарушает древний закон Церкви!

— Закон, который защищает воров и симонистов, мертв, Герман, — ледяным тоном вмешался Люциус, не поднимая глаз от счетной книги, где он методично скрипел пером. — Я пересчитал наши расходы на этот поход. Казна империи пуста наполовину. Каждый день задержки под Майнцем стоит нам триста серебряных марок на прокорм хоругвей. Если мы не решим вопрос с Римом быстро, вассалы начнут роптать.

Маркграф Экхард сидел, нервно побарабанивая пальцами по рукояти кинжала. Его манеры были грубыми, военными: — Кайзер, Люциус прав насчет денег, но мы должны отложить поход хотя бы на две недели! Мои люди составили целый список того, что нам не подвезли: овес для дестриэ застрял на переправах во Франконии, половина телег обоза не укомплектована кожаными ремнями, а кованое железо из лангобардских кузниц задерживается. Армия не готова идти через горы в такую сырость!

Генрих III медленно поднялся. Воздух в палате мгновенно похолодел. Император сверлил маркграфа глазами несколько секунд, а затем в своей фирменной, жесткой и бескомпромиссной манере отчеканил: — Три дня, Экхард. Три дня на сборы, и ни единым часом больше! На четвертый рассвет армия должна стоять в походных колоннах на южном тракте. А если твой обоз застрянет и моим людям не будет хватать еды в горах, запомни, маркграф: я тебя первого посажу на самый голодный паек и заставлю твоего коня жрать болотную траву. Свободны.

Вернувшись от кузнеца, Ульрих направился к расположению своего отряда. Сгущались сумерки, лагерь затихал, и повсюду разгорались костры. Франконец присел на поваленное бревно, где уже собрался его десяток. В центре круга сидел сам десятник Вольф. Изрядно разгоряченный выпитым кислым маркитантским элем, старый могучий великан, размахивая руками, всю хвастался перед новобранцами своими прошлыми походами. Он явно привирал, но самую малость — чисто для того, чтобы придать веса своим словам и подзадорить молодых: — ...и тут я, значит, выхожу против вестфальских рубак! Их трое, щиты стеной держат. Первому сразу сулицей в сочленение доспеха попал, второму обухом челюсть снес, а третий как увидел мою ярость — так и попятился, за кусты прятаться! — Вольф победоносно забил себя кулаком в мощную грудь.

Новобранцы вокруг, раскрыв рты от изумления, заворуженно слушали эти байки, ловя каждое слово. Хотя рассказы великана слегка и преувеличивали масштаб его личной свирепости, они вполне вязались с его грозной, вышколенной боевой выправкой — перед ними сидел умудренный опытом, матерый пёс войны. Ульрих, сразу раскусив безобидное бахвальство командира, лишь тихонько улыбнулся. Однако он благоразумно помалкивал, еще глубже накинув капюшон плаща на голову — воинская субординация была для него превыше всего.

Ульрих придвинулся ближе к костру. Блеск королевских хауберков, увиденных днем, не шел у него из головы. В Италии пахло большими деньгами, и франконцу позарез нужен был этот марш. — Послушай, Вольф, — негромко спросил Ульрих, уважительно глядя на великана. — Ты человек опытный, полсвета прошел. Скажи, куда конкретно марширует эта огромная королевская лавина? И что там, за горами, с военной добычей? Нам, пехоте, удастся хоть что-то урвать в этой Италии?

Вольф хмельно хмыкнул, вытер усы рукавом и посмотрел на юношу с высоты своего опыта: — Куда идем? На Рим, парень, — десятник понизил голос. — Места там, конечно, баснословно богатые, жирные. Мрамор, шелка, золото... Но ты губы-то особо не раскатывай. Мы — пехота, копатели рвов и живой заслон для господ. Если нам что после боя и перепадает, то сущие крохи. Жалкие медные гроши. На то конное снаряжение, о котором ты бредишь, тебе

точно не хватит, даже если ты три похода пройдешь без единой царапины. — Вольф хитро прищурился и подмигнул: — Разве что мы всем лагерем штурмом возьмем и до нитки разграбим сам папский дворец вместе с его золотыми сундуками. Вот тогда бы зажили! Но кайзер за мародерство в Риме вешает без суда, так что забудь.

Ульрих промолчал, наматывая сказанное на ус. Вскоре костер начал угасать, и солдаты потянулись к палаткам. Юноша забрался в свой холщовый шатер, завернулся в колючий плащ и закрыл глаза. Перед сном его молодое, не знавшее настоящей крови воображение рисовало грядущий поход через Альпы в самых ярких, романтических и благородных красках. Ему виделись великие сражения, сияющие доспехи, верные боевые кони и слава, которая непременно вернет его роду былую силу и дворянское величие. Он заснул с улыбкой на губах, совершенно не подозревая, сколько грязи, пота и жестокого цинизма ждет его впереди.

Часть 3. ЛОМБАРДСКИЕ НАКОВАЛЬНИ

Локация: Долина реки По — Павия, Северная Италия. Ноябрь 1046 года.

Горный альпийский капкан наконец разжался, и имперская армия Чёрного кайзера Генриха III хлынула вниз, преодолев финальную, самую изнурительную часть перевала Бреннер. Но Ломбардия встретила легионы Севера не триумфальными арками, а удушливым, кипящим хаосом тотального беззакония. Великая равнина реки По буквально смердела анархией. Каждый местный феодал, запершись в своем гранитном донжоне, объявил себя абсолютным сувереном: лагерный тракт через каждые пять миль был перегорожен самовольными опускными решетками, цепями и деревянными рогатками. Разнузданные банды рыцарей-разбойников и кнехты мелких ломбардских баронов нагло обдирали купеческие караваны, требуя неподъемные дорожные поборы за проезд через каждый мост и каждую лесную просеку. Торговля задыхла, рынки пустовали, а в самих городах Ойкумены царил религиозный вертеп. Священный сан превратился в самую прибыльную и циничную делянку для спекуляций: местная знать открыто, без стыда и страха, покупала и продавала епископские кафедры, а симония достигла таких масштабов, что менялы на мостах Павии взвешивали золото за церковные должности прямо на глазах у изможденной пехоты Ульриха. Мир Меча и Закона рушился, погрязнув в корысти и поборах.

Глазами Ульриха, привыкшего к суровым, обнищавшим саксонским землям с их натуральным обменом, Ломбардия, несмотря на весь этот хаос, ошеломляла монументальным богатством. Тракт петлял по дну цветущих долин, и франконский ветеран впервые в жизни видел города, выстроенные целиком из камня и розового порфира. Павия встретила немцев оглушительным купеческим гомоном, вибрирующим звоном сотен храмов и резким, ни на что не похожим запахом: пахло левантийским надом, оливковым маслом, сухим пергаментом торговых гильдий и живыми деньгами меняльных лавок у моста через По. Саксонские кнехты, исхудавшие на урезанных Альпийских пайках, дикими голодными волками смотрели на шелковые одежды местных сановников, но лагерь жил по строгому имперскому уставу. Королевское войско разбило колоссальный, ошетилившийся частоколом город из палаток прямо в пойме реки, превратив зеленую низину в ошетилившийся сталью город.

Вечером, когда над рекой По поднялся липкий холодный туман, в походном шатре короля разгорелся жесткий, переломный для всей империи диалог. Генрих III Чёрный в ярости мерил шагами пространство между сундуками, и его смуглое лицо потемнело от гнева. На дубовом столе лежали панические донесения от лазутчиков и жалобы купцов, обобранных на дорогах до нитки.

— Это не Ломбардия, Люциус, это воровской притон! — громовым, генеральским голосом выкрикнул король, с размаху вонзая кинжал в столешницу. — Епископы скупают кафедры за мешки денариев, феодалы грабят обозы прямо на королевском тракте, а три римских лавоч-

ника одновременно называют себя папами! Вся Италия превратилась в базар, где торгуют Святым Духом и кровью христиан! Как мне навести порядок в этом свинарнике, если мои собственные вассалы берут взятки у ломбардских менял?! Земля смердит грехом, и Небо карает нас мором из-за этой скверны!

Люциус де ла Коста даже не поднял головы от счетной книги, где его гусиное перо методично и сухо выводило фиолетовые цифры издержек марша. Канцелярист дождался, пока король остановится, аккуратно промокнул чернила сухим песком и поднял на монарха свои пустые, холодные глаза счетовода.

— Ваше Величество, этот хаос — не просто грех, это критический дефицит легитимной Силы, — ровным, леденящим тоном произнес Люциус, и его голос прозвучал под брезентом шатра как сухой удар архивного пергамента. — Ломбардские бароны и римские клирики обнаглели только потому, что они разучились бояться королевского ошейника. Они верят, что их Бумага и золото способны купить всё. Наша задача — разрушить эту иллюзию рынка. Нам необходим тотальный, образцово-показательный прецедент. Вы обязаны применить вашу Железную Волю и Мечом навести здесь безупречный, бескомпромиссный порядок.

Люциус встал, заложив руки за рукава скромной сутаны, и вплотную приблизился к Генриху III: — Завтра мы соберем церковный синод прямо здесь, в Павии. Мы не будем договариваться и не станем брать уступки. Мы Мечом вышвырнем этих зажавшихся симонистов с их кафедр, а их замки и виноградники немедленно конфискуем в пользу вашей походной казны, полностью закрыв издержки марша через Альпы. А сразу после этого мы двинемся на Сутри. Мы низложим всех трех римских шарлатанов и железной рукой поставим на кафедру Святого Петра нашего, чистого духом немецкого епископа Свидгера. Нам нужен честный, преданный Папа, который превратит Церковь из воровского рынка в послушный административный орган Гослара. Только так, кайзер. Сначала Меч вычистит вертеп, а затем мои Чернила зафиксируют ваш абсолютный триумф над Ойкуменой навечно.

Генрих III тяжело выдохнул, и на его жестком подбородке заходили желваки. Логика секретаря, замешанная на ярости и Стали, полностью совпадала с его собственной священной миссией. — Будь по-твоему, Люциус, — сухо отчеканил Чёрный кайзер. — Завтра мы вскроем их сундуки силой имперского закона.

Генрих III не стал медлить, решив реализовать этот жесткий казначейский план без промедления. На следующее утро синод был собран в полуразрушенной раннехристианской базилике на окраине Павии. Здание дышало мрачной, зловещей атмосферой: серые камни стен покрывала вековая плесень, а узкие окна почти не пропускали бледный дневной свет. Внутри пахло сыростью, старым пергаментом, чадающим салом факелов и холодным, липким потом страха. Итальянские прелаты, привыкшие чувствовать себя хозяевами этой земли, теперь выдавали свой ужас каждым неконтролируемым движением, нервно поправляя воротники шелковых сутан перед лицом застывших у дверей немецких рыцарей.

Допрос трех наиболее знатных и богатых граждан Ломбардии, которые за колоссальные деньги купили свои духовные должности, развивался по нотам Люциуса.

— Вы купили кафедры за золото? — тихо, но с такой силой, от которой дрожали фитили свечей, спросил Генрих, в упор глядя на троицу.

— Это было не согрешение, милостивый государь! — бледнея, валясь в пыль на колени и заламывая руки, запричитал первый из них. — Мы лишь внесли добровольное пожертвование в пользу бедных монахов!

В этот момент вперед вышел епископ Свидгер Бамбергский, зачитав суровые формулы Халкидонского собора о лишении сана и конфискации имущества. В процесс веско вмешался епископ Герман, добив подсудимых цитатой из Писания о грехе Симона-волхва.

Пока Свидгер ровным голосом объявлял окончательный приговор, Люциус де ла Коста, сидевший чуть в стороне за небольшой конторкой, с абсолютно каменным лицом фиксиро-

вал результаты трибунала. Его худые пальцы двигались с педантичностью счетной машины. С сухим, царапающим звуком перо Люциуса методично вычеркивало имена осужденных ломбардцев из ведомостей собственников. Их колоссальные земельные владения, замки, оливковые рощи и торговые паи переписывались напрямую в имперский реестр доходов Гослара, окупая марш через Альпы. Под истошные причитания знатных родственников немецкие латники бесцеремонно выволокли бывших прелатов вон под дождливое небо Павии, а конфискованное золото легло на дно королевских сундуков.

После этого показательного разгрома армия двинулась дальше на юг, к Пьяченце. Вечером, когда над рекой По поднялся липкий холодный туман, Люциус вошел в походный шатер к королю, чтобы подбить итоги фискального раунда. Генрих III медленно подошел к окну шатра, всматриваясь в южную сторону.

— Григорий VI купил этот престол у Бенедикта IX за колоссальную сумму в две тысячи фунтов чистого серебра, кайзер, — безэмоционально доложил Люциус, зажигая свечу на столе императора. — Деньги были взяты взаймы у ростовщиков клана Пьерлеони. Папа — симонист, и его счета сочтены. Но меня беспокоит другое. Мои шпионы на юге докладывают, что латинские бароны Капуи нанимают для своих междоусобиц каких-то пришлых варваров с севера. Норманнов. Вожаки из захудалого рода Отвилей — Хумфред и его младший брат Роберт Гвискар — начинают отжимать у греческих стратигос замки. Их нужно выжечь каленым железом.

Люциус едва заметно, леденяще улыбнулся, не поднимая глаз от грессбуха: — Зачем тратить немецкую сталь и серебро в болотах Калабрии, Ваше Величество? Война мечами — слишком дорогое предприятие. Юг Италии сейчас — это кипящий котел. Лангобардские князья Капуи и Салерно, пытаясь удержать власть, нанимают против византийских стратигос пришлых норманнских хищников. Эти северные висельники Отвилей голодны, дики и не признают никаких законов. Константинополь уже шлет золото в Рим, надеясь разжечь пожар у нас за спиной и связать империи руки. Мы наведем порядок в Риме, кайзер, но южный рубеж останется открытой раной. Нам придется проявить казначейское терпение и дожидаться, пока эти волки на юге сами не начнут искать нашей милости. Генрих III промолчал, но его взгляд оставался тревожным. Великий правитель чувствовал, что эти голодные северные хищники уже не выпустят Италию из своих когтей, однако логика Люциуса была без изъянов..

Спустя два дня Папа Григорий VI, испуганный силой имперской армии, сам прибыл в лагерь короля в Пьяченце. Разговор в королевском шатре понтифик начал умышленно вежливо, предлагая Генриху императорскую корону. Но Генрих III с леденящей душу вежливостью переменял тему, спросив о серебре ростовщиков Пьерлеони. Папа смешался и фактически сам дал на себя показания, пытаясь оправдаться «благими побуждениями» спасения Церкви от развратника Бенедикта.

— Чтобы подтвердить твои права, Григорий, мы соберем большой церковный собор в Сутри, — сухо отрезал Генрих III.

Как только бледный Папа вышел, Генрих резко повернулся к епископу Герману. Между ними вспыхнул яростный, драматичный диалог: — Я никогда в жизни не приму корону из рук человека, который купил папский престол за серебро, — отрезал Генрих. — Новым Папой в Риме станет Свидгер Бамбергский. Он чист и верен империи.

Герман пришел в истинный ужас, его лицо побелело: — Кайзер, побойся Бога! Король Германии не может назначать Папу самостоятельно, своей волей! Это нарушает все святые каноны, вы рушите основы мира!

Генрих III повернулся к выходу из шатра, бросив через плечо: — Собор в Сутри будет, Герман. Но кандидатура Свидгера обсуждаться на нем не будет. Я так хочу.

Епископ Герман опустился на стул в глубокой, безутешной печали, понимая, что Чёрный кайзер только что поставил свою железную волю выше древних законов Церкви. Машина Счета приготовилась к прыжку в Сутри.

Часть 4. СУТРИНСКИЙ ГРОССБУХ

Локация: Равнины Лациума — собор Святого Гавиния в Сутри — Рим, базилика Святого Петра. Декабрь 1046 года.

Имперская армия снялась с укрепленного лагеря в Пьяченце и скорым, неумолимым маршем двинулась на юг, ведя за собой кавалерийские хоругви и бесконечные транспортные ряды. Колонны пехоты и кавалерии огибали неприступные, поросшие серым мхом кручи Апеннин, постепенно спускаясь в холмистые, замершие в страхе долины Тосканы. Зима навалилась на Лациум внезапно, выбелив каменистые равнины жесткой изморосью. Земля здесь дышала могильным холодом, голые, узловатые виноградники казались черными мертвыми венами, выползающими из обледенелой колеи, а редкие оливковые деревья сиротели под ледяным ветром, дувшим со стороны Тирренского моря.

Отделению Ульриха выпала неожиданная и суровая по своей значимости обязанность — их десятку приказали составить личную почетную охрану Папы Григория VI и его громоздкого куриального обоза. Император Генрих III Чёрный строго соблюдал законы светского приличия: до решения синода Григорий оставался на бумаге легитимным понтификом, а потому двигался на юг со всем положенным его сану внешним почетом. Он ехал в роскошных, обитых потертым пурпурным бархатом носилках, которые на своих мозолистых плечах бережно тащили восемь сицилийских рабов. Окна носилок были занавешены тончайшей шелковой тканью, но сквозь нее Ульрих то и дело прочесывал взглядом бледное, осунувшееся лицо Папы. Григорий VI был погружен в глубокую, мрачную меланхолию. Его слуги — бледные куриальные евнухи и важные кардиналы-непоты — больше не шептались о налогах, а испуганно жались к телегам с папским имуществом.

Молодой франконец ходко шагал рядом, ведя на поводе выючную кобылу, и его пальцы дубели на ледяном древке сулицы. В душе рыцаря росло жесткое, прагматичное понимание изнанки этого похода: Меч Чёрного кайзера вел эту «охрану» с педантичностью тюремщиков, и если бы этот благообразный старец вздумает посреди ночи пересесть на быстрого коня — его священная кровь пролилась бы на тосканские камни без малейших извинений со стороны маршала Экхарда. Ульрих крепче сжал кулак. Земли его рода были отобраны, в кошельке не звенело ни единого солида, но этот марш мимо папских носилок наполнял молодого немца леденящей решимостью. Он видел, как Сила диктует условия самой вере, и понимал, что на этой войне он заберет своё Железом.

Пока армия приближалась к границам Лациума, Генрих III действовал как абсолютный владыка Ойкумены. Из его походной канцелярии во все концы Италии летели королевские гонцы с жесткими требованиями: все три папы, оспаривавшие престол, обязаны были явиться на всеобщий собор в Сутри. Второй претендент, Сильвестр III, трезво пересчитав численность немецких панцирщиков, безропотно покинул свою тихую тосканскую виллу. Но вторые ворота капкана захлопнулись на третьем претенденте — свирепый Бенедикт IX из могущественного клана графов Тускулумских разорвал королевскую грамоту прямо на глазах у восторого, заперся в родовой крепости и открыто слал проклятия собору, дожидаясь норманнских наемников. Чёрный кайзер лишь сильнее стиснул зубы: он хладнокровно приказал маркграфу Экхарду проигнорировать Тускулумскую нору, понимая, что как только Машина Счета вычистит престол в Сутри, этот озорник сам приползет на коленях, когда у нее закончатся деньги на оплату норманнских мечей.

Утро двадцатого декабря тысяча сорок шестого года встретило древний город Сутри кошмарной, предгрозовой погодой. Густой и сырой декабрьский туман выползал из глубоких оврагов, превращая день в бесконечные серые сумерки, а серые стены цитадели, сложенные из этрусского туфа, казались естественным продолжением голых скал. Перепуганные до смерти

жители наглухо заколотили ставни своих каменных лачуг — на пустынных улицах слышался только мерный, грозный шаг имперских патрулей.

Десяток Вольфа выстроился в тройное оцепление вокруг кафедрального собора Святого Гавиния. Внутри храма царила могильная, давящая сырость. Огромное пространство тонуло в полумраке, густо пахло ладаном, мокрой рыцарской шерстью и чадающим салом факелов. Заседание великого синода шло при тусклом, колеблющемся свете сотен толстых восковых свечей, который зловеще играл на бледных лицах итальянских прелатов, превращая их черты в испуганные, дергающиеся маски. Справа на резных скамьях с суровыми лицами сидели немецкие епископы в парадных митрах, слева — трясущиеся латиняне, в чьих пальцах, лихо-радочно теребивших края платков, читался животный ужас перед чужеземным трибуналом. Король Генрих III Чёрный принципиально отказался от парадного трона. Он, облаченный в простой темный кафтан, сел на обычную деревянную скамью среди рядовых немецких епископов, демонстративно показывая миру, что он лишь смиренно слушает законный духовный суд.

Первые два дня собора Машина Счета Люциуса де ла Коста работала без сбоев. Сначала Сильвестр III предстал перед синодом совершенно сломленным и пугливым стариком, чей стержень жизни надломился в одну секунду: Свидгер Бамбергский лишил его сана и приговорил к пожизненному постригу, предав его имя забвению. На второй день собор официально зафиксировал неявку Бенедикта IX и единогласно предал его анафеме под одобрительный глухой гул немецких богословов. Люциус, чья мимика оставалась неподвижной, как у мраморного изваяния, хладнокровно фиксировал результаты, сводя дебет с кредитом Гослара прямо на алтаре.

Но настоящая драма разыгралась на третий день, когда синод обратился к самому Григорию VI. Пожилой Папа сидел на председательском месте с гордо поднятой головой, уверенный, что собор просто узаконит его власть, раз двое других соперников сотрены в порошок. Он властно опирался на серебряный посох, а голос его разносился над рядами прелатов с непоколебимой уверенностью хозяина.

Но тут Люциус де ла Коста дал едва заметный знак, и вперед вышел епископ Герман, задав Папе прямой, леденящий вопрос о двух тысячах фунтов серебра ростовщиков Пьерлеони. Григорий VI плавно поднялся и с гордостью, во всеуслышание объявил, что выкупил Церковь из рук развратника Бенедикта исключительно ради её спасения.

В эту секунду в соборе Святого Гавиния повисла гробовая, леденящая тишина. Немецкие канонисты и богословы один за другим начали медленно подниматься со своих мест, и до ушей Ульриха донесся сухой, шуршащий, пугающий звук — сотни рук одновременно открывали тяжелые, окованные железом книги канонического права. Этот зловещий шорох пергаментов лавиной покотился под каменными сводами храма, напоминая **шелест крыльев неисчислимой саранчи, которая пожирает сакральную соборность**. Немецкие богословы методично, безжалостно зачитывали древние правила Халкидонского собора: благодать Духа Святого нельзя купить, симониат не может быть священником!

Под этот шуршащий набат Бумаги Григорий VI в растерянности огляделся по сторонам, но итальянские епископы в паническом страхе опустили глаза под надзором застывших у дверей рыцарей. Король сидел с каменным лицом. Защиты не было. Папа медленно опустил голову, его осанка сдулась, а взгляд потух, подернувшись серой мглой. Тихим, едва различимым голосом он произнес: «Я сам лишаю себя престола». Старик спотыкаясь подошел к алтарю, снял с себя папский палий и уронил серебряный посох на холодный каменный пол. Папство добровольно капитулировало перед Чернилами курии.

Как только собор в Сутри объявил престол Святого Петра вакантным, за кулисами священного перформанса разыгрался форменный административный трагифарс. Епископ Свидгер Бамбергский, бывший до этого момента образцом немецкого благочестия и строгого канонического усердия, узнал о том, что именно ему Чёрный кайзер уготовил престол понтифика,

в самую последнюю секунду. Свидгер, свято веривший, что приехал в Италию исключительно как юридический наблюдатель и скромный соглядатай, позорно сломался на пороге великих реформ. Окружающие шептались, что когда Люциус в походной палатке выложил перед ним черновик рождественского указа о тиаре, Свидгер Бамбергский побелел лицом, как свежывыбеленная монастырская стена, и начал исступленно креститься, словно увидел перед собой не канцеляриста курии, а самого Вельзевула со счетной книгой.

Епископ Бамберга до последнего оказывал яростное, истощное сопротивление. Свидгер упал на колени, пачкая дорогую шерсть мантии о походные сапоги Генриха III, хватал монарха за полы кафтана и умолял о пощаде с выражением лица человека, которого ведут напрямик на плаху: — За что, мой государь?! Во имя Всевышнего, пощадите! — причитал Свидгер, и его парадная митра съехала набок от экстаза страха. — Этот престол в Риме — проклятое, Богом забытое место! Это осиное гнездо интриг, заговоров и греха! Итальянцы отравят меня в первую же пасхальную неделю, подсыпав яд в святое причастие! Я не знаю латинских интриг, я хочу вернуться в свой тихий, сонный и безопасный Бамберг!

Но Чёрный кайзер оказал на него мощное, сокрушительное и бескомпромиссное давление. Генрих III, чье лицо оставалось жестким, как порфиговое изваяние, бесцеремонно схватил Свидгера за подбородок рукой в железной рукавице, заставив его поднять глаза и посмотреть прямо в темную бездну королевского взгляда. — Бамберг подождет, Свидгер, — леденящим тоном, от которого у епископа мгновенно перехватило дыхание, отчеканил император. — Мне нужен чистый, мертвый для интриг Рим. Ты примешь тиару, даже если моим кнехтам придется тащить тебя к алтарю Святого Петра в кандалах и силой удерживать твою голову под венцом. Выбора нет. Твои счета сочтены. Свидгер окончательно сломался, жалобно шмыгнув носом и покорно опустил голову, смиряясь со своей великой и смертельно опасной апостольской участью.

После завершения синода в Сутри имперская армия скорым железным маршем двинулась на юг, и на исходе декабря триумфальные шеренги саксонцев вошли в Вечный город через Ворота Аврелиана. Римская аристократия была полностью парализована животным, оцепенелым ужасом перед мощью Чёрного кайзера, и кланы Тускулумских графов спешно сбежали в свои дальние замки. Ульрих сквозь прорезь шлема во все глаза осматривал это великое кладбище империи: колоссальные руины древних терм, триумфальных арок и Колизея, которые латинские бароны превратили в оборонительные разбойничьи гнезда, надстроив сверху кирпичные башни.

25 декабря 1046 года Рим замер. Базилика Святого Петра была до отказа заполнена имперскими рыцарями и высшим духовенством. Все детали коронации были прописаны Люциусом как священный юридический перформанс. Сначала Свидгер Бамбергский — все еще бледный, трясущийся и испуганно озирающийся по сторонам в поисках латинских отравителей — был торжественно возведен на престол под именем Климента II. Сразу после этого новый немецкий Папа дрожащими от метафизического ужаса руками взял тяжелую, сверкающую алмазами имперскую корону. Генрих III Чёрный и его супруга Агнесса опустили на колени перед алтарем. Климент II с благословением возложил корону на голову короля, провозгласив его Императором Священной Римской империи. Громовой рев тысяч немецких глоток и оглушительный лязг оружия о щиты потрясли древние стены базилики, полностью заглушая патриарший хор. Ульрих, стоявший в почетном оцеплении у самого алтаря, заворуженно смотрел на сияющий венец.

И в завершение этого триумфа произошло то, что окончательно закрепило победу Бумаги над римским хаосом. На амвон вышли римские сенаторы и высшее латинское духовенство. Преклонив колени, они торжественно преподнесли новому императору Генриху III древний и сакральный титул Патриция римлян. Этот титул давал Генриху III и его потомкам абсолютное, пожизненное и неоспоримое юридическое право первым называть имя кандидата

при любых будущих выборах римских пап. Папство официально пало к ногам империи, превратившись в послушный административный орган Гослара.

Чуть позади трона, в глубокой тени массивной колоннады, стоял Люциус, аккуратно сворачивая пергамент с актом коронации и припечатывая его тяжелым королевским воском. Но рядом с ним стоял епископ Герман. Старец смотрел на ликующего императора, и в его глазах стояли слезы глубокой, пронзительной печали.

— Посмотри на это, Люциус... — тихо, со скорбью в голосе произнес Герман. — Наш император навел идеальный порядок мечом. Но какой ценой? Он нарушил заповеди Бога, он самолично подчинил себе Церковь, возомнив себя равным Творцу. Он поставил человеческую волю выше сакрального закона. Чем же это обернется для империи, когда его не станет? Металл не может вечно держать Дух под замком. Чернила, которые ты сейчас тратишь на этот акт, однажды повернутся против самой короны.

Люциус де ла Коста даже не повернулся к старцу. Он бережно спрятал свежий пергамент в кожаный тубус, проверил плотность сургучного шнура и хладнокровно ответил: — Мир подчиняется тем, кто умеет считать издержки, владыка. Сегодня счета империи сошлись. Остальное — лишь патетика.

Часть 5. ВАССАЛЫ ИЗ ТУМАНА

Локация: Лангобардские княжества — оливковые рощи Капуи и Беневенто, Южная Италия. Февраль 1047 года.

В первых числах февраля тысяча сорок седьмого года от Рождества Господня железные легионы императора Генриха III Чёрного свернули походный лагерь под Римом и двинулись на юг, взламывая подковами дестриэ и тяжелыми колесами телег тонкую ледяную корку на разбитых дорогах Лациума. Поход в Южную Италию, предпринятый императором совместно с новым папой Климентом II, преследовал единственную цель — намертво привязать южные рубежи к воле Гослара, усмирить строптивых лангобардских князей Капуи и Беневенто и навести окончательный порядок на пограничье Ойкумены.

Генрих III уходил из Вечного города с тяжелым сердцем. Январь едва не утопил его триумф в крови: стоило основным силам немцев отойти от городских стен, как в Риме вспыхнули яростные, хорошо организованные беспорядки. Чернь жгла походные склады, а латинские прелаты, пряча лица под капюшонами, открыто призывали резать немецкие гарнизоны. Окружающие шептались, что бунт устроили недобитые сторонники беглого Бенедикта IX, жаждущие мести, но Люциус де ла Коста, пересчитав золото, изъятое у схваченных на баррикадах зачинщиков, хладнокровно доложил императору:

— Это не просто бунт римских кланов, кайзер. Эти беспорядки щедро оплачены золотыми номисмами из Константинополя. Греки панически боятся вашего укоренения в Италии и готовы зажечь Рим с четырех концов, лишь бы связать вам руки.

Генрих затаил гнев, железной рукой зачистил городские кварталы и, оставив в Риме надежный заслон, двинул лавину своих войск на юг. Наведя суровый порядок в Капуе и Беневенто, император повернул армию к землям норманнов.

Дорога к границам норманнских владений таила опасности. Погода на юге была сырой и чужой для тяжелых немцев: раскисшая глина, горький туман, наползающий с болот Кампании, и серая изморось на оливковых ветвях. На передовом отрезке тракта пехотное отделение Ульриха было поставлено в охрану тяжелого обоза кавалерейского авангарда. Парень ходко шагал по липкой грязи, таща на плече тяжелую сулицу и ведя на поводе выючного мула с мешками овса. Молодой, безродный, но чертовски вышколенный рыцарь, он был вынужден скрывать имя под грубым пехотным сукном, поскольку у него не было денег на коня и хауберк.

Стычка вспыхнула внезапно, у кромки серой от февральского инея оливковой рощи. Из утреннего тумана с диким, гортанным ревом вылетела передовая полусотня норманнов. Нападение случилось из-за глупой ошибки: разгоряченные нормандские конники в густом тумане

попросту перепутали имперский авангард со сборщиками налогов местного лангобардского князя. Лагерный тракт мгновенно превратился в звенящую, кричащую свалку. Норманны шли на бешеной скорости, зажав длинные копыта под мышками и спрятав лица за огромными каплевидными щитами.

Их таранный удар смял первые ряды пехоты. Ульрих едва успел бросить повод мула, как прямо на него, взрывая копытами грязь, полетел рослый норманнский конник в иссеченном хауберке. Отец-ветеран не зря учил Ульриха конному бою с малых лет: парень с ходу, по наклону корпуса всадника, оценил траекторию движения дестриэ. Вместо того чтобы трусливо бежать, франконец в самый последний момент резко ушел в сторону, пропуская острие нормандского копья в полусантиметре от своего плеча. Норманн по инерции пролетел мимо, но Ульрих, использовав набранную в прыжке силу, с размаху обрушил тяжелый обух своего походного топора прямо в стальное переносье шлема всадника.

Рыцарь с громким лязгом вылетел из седла, потеряв сознание. Ульрих тут же навалился сверху, беря норманна в плен, и его ладонь охватила обжигающая, сухая ярость. Под уздцы ему удалось перехватить мощного гнедого дестриэ лангобардской породы, а с поверженного врага франконец уже стягивал великолепный кольчужный хауберк. Это был его единственный шанс вернуть дворянский статус и пересечь из грязи в седло. Но над ухом раздался тяжелый, недовольный голос Вольфа:

— А ну постой, выскочка! — Десятник грубо ухватил Ульриха за плечо, и на его шрамованном лице проступили гнев и разочарование. — Забыл лагерный устав, парень? Удар мы приняли всем отделением, пехота держала стену щитов вместе! Коня и кольчугу сдашь в общую кучу, а маршал выдаст тебе твою долю серебром.

Ульрих стиснул зубы от ярости, готовый схватиться за топор, но в этот момент в их спор вмешался маркграф Экхард, который как раз осадил коня у телег обоза. Для Экхарда комплектация конных подразделений личным составом давно превратилась в изнурительный кошмар. Маркграф окинул Ульриха профессиональным взглядом, заметил, как парень держит трофейного коня, и хмуро бросил Вольфу:

— А ну отставить лаяться, кнехты! Живого норманна в кандалы, а этого парня я забираю с собой. Едем к кайзеру, пусть он на месте решает, что делать с этим пехотным чудом.

Выжившие в стычке норманны, связанные всадники, Экхард и Ульрих направились к голове колонны, где император Генрих III как раз решил устроить небольшой полуденный привал. Королевская свита расположилась на сухом холме.

Сперва Чёрный кайзер строго разобрался с пленными норманнами. Посмотрев на закованных в железо, хмурых северян, Генрих III усмехнулся и повел жесткий, прямой диалог:

— Ну и черти... Напасть на мой авангард в тумане? Скажите мне, храбрецы, может, кто-то из вас желает вступить в мою регулярную армию? Имперской конницы всегда не хватает, а я плачу честным серебром.

Норманнские рыцари смущенно отвели взоры, пряча глаза под низко надвинутыми наносниками шлемов. Желających ходить строем под жесткой командой немцев и лишаться вольницы среди пришлых воинов не нашлось — норманны были слишком горды и презирали тевтонский порядок. Генрих III понимающе хмыкнул и лениво махнул рукой:

— Ну, как знаете. Отпускаю вас к вашим сюзеренам. Скажите своим вождям, что Дрого и Райнульф не гоже воевать с латинским императором. Мы идем решать вопрос вашего васалитета. Предупредите их, чтобы ждали меня у стен Капуи. Уводить.

Когда норманнов увели, Генрих III перевел свой строгий, давящий взгляд на маркграфа Экхарда, а затем на Ульриха, который стоял перед ним в поношенном пехотном колете:

— А это кто? Зачем ты привел этого юношу сюда, Экхард? У меня мало забот на юге? Маркграф, запинаясь, сбивчиво рассказал, как было дело:

—Этот парень в лесной свалке в одиночку обухом топора свалил норманнского кавалериста и забрал его боевого коня со снаряжением. Заявляет, что умеет воевать в седле.

Генрих III с глубоким сомнением покачал головой, и на его смуглом лице проступила ирония:

— Вот как? Я за всю свою жизнь ни разу еще не видел, чтобы простой пехотинец в один миг стал конным рыцарем, просто ограбив породистого всадника. Навык конного боя куется годами, Экхард, а не отбирается вместе с кольчугой. Впрочем... А давайте его проверим прямо здесь. Экхард, вели дать ему рыцарское копье.

Маркграф велел проверить парня в деле. Ульриху подвели трофейного лангобардского жеребца и вручили тяжелое имперское копье из ясеня. Юноша взлетел в седло единым плавным движением. Мышечная память, вбитая отцом до седьмого пота на тощих рабочих кобылах Франконии, сработала. Он мгновенно, мертвой хваткой зажал тяжелое древко под мышкой, взял поводья левой ладонью и пустил дестриэ в идеальный, стремительный галоп. Ульрих блестяще исполнил все кавалерийские приемы: на полной скорости заложил крутой вираж вокруг оливковых деревьев, трижды точно поразил острием копья подвешенный на ветке латный щит и заставил жеребца замереть на месте как вкопанного, осадив коня на задние ноги прямо перед королевским помостом.

Генрих III с истинным изумлением и восторгом смотрел на гарцующего, уверенно сидящего в седле Ульриха. Секунду в лагере стояла тишина, а затем Чёрный кайзер запрокинул голову и залился громким, мощным и раскатистым хохотом, который раскатился над всей оливковой рощей:

— И это ты называешь «пехотинец», Экхард?! — сквозь смех выкрикнул император, хлопая маркграфа по бронированному плечу. — Святой Климент, да у него посадка лучше, чем у половины твоих швабских баронов! Поскреби-ка хорошенько по сусекам в пехотных рядах! Может, мы там наскребем металла еще на один отборный авангард? Короче так: парня перевести в тяжелую конницу, трофеи оставить ему по праву крови. Пусть искупает свою дерзость на юге. Так молодой Ульрих силой Железа и выучки официально вернул себе рыцарский статус.

Накануне рокового политического решения, вечером 2 февраля, в императорском шатре разгорелся жесткий сметный спор. Внутри пахло раскаленным воском свечей, жареной дичью и кислым вином. Генрих III сидел во главе стола, положив тяжелые ладони на пергаментный черновик будущих инвеститур.

— Вы предлагаете безумие, Ваше Величество! — маркграф Экхард в ярости ударил кулаком по столу, отчего серебряные кубки жалобно звякнули. — Признать завоевания этих безродных пиратов? Даровать им имперские титулы? Они — разбойники из Нормании, выродки, не имеющие права на благородную землю! Их нужно выжигать каленым железом, а не сажать за один стол с графами Империи!

— Усмирите свой гнев, маркграф, — ледяной голос Люциуса прозвучал как удар сухого дерева о замерзшую землю. Секретарь даже не поднял глаз от бухгалтерских книг. — Если мы начнем войну с норманнами, нам придется держать здесь всю армию еще год. Год в этой сырости — это сорок тысяч золотых солидов только на жалование кнехтам и прокорм коней. Казна империи пуста наполовину. Византия шлет золото бунтовщикам в Рим. Нам нужен стальной заслон на юге. Норманны — это дешевая, голодная и невероятно смертоносная пехота, которая сделает за нас грязную работу. Мы не даем им землю, Экхард. Они её уже взяли. Мы лишь даем им пергамент. Бумагу. Ошейник инвеституры. Эти нищие висельники Отвилей сегодня целуют ваши сапоги ради титулов графов Апулии и Аверсы только потому, что они голодны. Но этот пергамент обяжет их проливать кровь за Гослар, защищая наш юг от греческого транзита абсолютно бесплатно, лишая Ватикан маржи.

Папа Климент II, бледный и уставший, тихо добавил:

— Люциус прав, Экхард. Эти норманны дики, но они латиняне. Они закроют юг от греческих ересей и сарацинских набегов. Из двух зол мы выбираем то, которое можно контролировать законом.

Генрих III поднял руку, прерывая спор. В шатре воцарилась тишина.

— Завтра они принесут оммаж, — отрезал Чёрный кайзер. — Нам нужен этот ошейник.

Утро 3 февраля 1047 года выдалось ясным, но резким и холодным. Встреча происходила на открытом, продуваемом насквозь поле у подножия каменистых холмов Капуи. Земля юга еще глубоко спала, скованная глухим оцепенением: из низин тянуло сыростью, пахло прелой, вымокшей полынью, сухой глиной и конским потом. Воздух был прозрачным, колючим и звенящим, нарушаемым лишь мерным хлопаньем имперских знамен на ветру и далеким карканьем воронья.

Норманны вышли из утреннего тумана плотной, молчаливой толпой. В их поведении не было латинской изысканности или немецкой тяжеловесной дисциплины — они двигались с повадками матерых волков, почуявших силу, но готовых к прыжку. Это были крупные, широкоплечие мужчины, чьи лица обветрились под южным солнцем. Их внешность выдавала северное происхождение: многие были светловолосыми и синеглазыми, с длинными, грубо подрезанными усами и суровыми, иссеченными шрамами лицами. Вооружение норманнов разительно отличалось от тяжелого немецкого доспеха, и Ульрих, стоявший в первом ряду новой конной хоругви, жадно вглядывался в детали. Немецкие рыцари заковывались в тяжелое железо по уши. Норманны же делали ставку на мобильность: на них были длинные кольчужные хауберки до колен, невероятно легкие и гибкие, сплетенные из тонкой привозной стали, и огромные, вытянутые каплевидные щиты, закрывавшие всадника от подбородка до лодыжки.

Перед парадным помостом вожди норманнов — Райнульф Дренго и Дрого Отвиль — синхронно опустили на оба колена прямо в сырую траву. Они вели себя подчеркнуто покорно, склонив головы, но их пальцы продолжали лежать на оголовьях тяжелых мечей.

Генрих III Чёрный объявил решение, которое юридически легитимизировало власть норманнов в Италии, сделав их прямыми вассалами императора. Он даровал вождю Райнульфу Дренго законный титул графа Аверсы, а Дрого Отвилю — титул графа Апулии.

Люциус стоял за правым плечом императора, методично и хладнокровно составляя пергаментные свитки присяги. Его гусиное перо со скрипом фиксировало имена новых вассалов. В этот момент мимо помоста проходил молодой, нищий рыцарь из свиты Дрого — Роберт, которого братья уже прозвали Гвискаром. У него был рваный плащ и иссеченный в византийских боях щит, но он посмотрел на сияющую корону Генриха и на Люциуса таким хищным, пронзительным взглядом голодного волка, что секретарь на секунду замер.

Люциус почувствовал, как между ними на мгновение натянулась невидимая струна грядущего грандиозного противостояния систем. Секретарь медленно опустил глаза и сделал едва заметную пометку на полях пергаментного акта инвеституры: *«Этот парень не удовлетворится каплей итальянской земли. Стоит запомнить его имя»*. Порядок империи праздновал триумф, но первые семена грядущего предательства уже дали свои всходы в тумане Капуи.

ЭПИЛОГ. ИЗНАНКА ТРИУМФА

Локация: Рим, Латеранский дворец — перевал Бреннер, Альпы. Март 1047 года.

В первых числах марта тысяча сорок седьмого года от Рождества Господня великая лавина имперских сил покидала пределы Лациума, топча подковами дестриэ и тяжелыми колесами телег весеннюю сухую пыль разбитых южных трактов. Поход в Южную Италию, предпринятый императором Генрихом III совместно с новым папой Климентом II, завершился беспрецедентным триумфом Гослара. Все стратегические задачи были решены с тевтонской бескомпромиссностью: три римских папы-симониста разом низложены в Сутри, на престол в Риме посажен верный империи Климент II, строптивые лангобардские князья Капуи и Беневенто усмирены, а новые хищники пограничья — норманны Райнульф Дренго и Дрого Отвиль

— принесли оммаж и стали прямыми вассалами Гослара. Железный закон Империи полностью подчинил себе Церковь, превратив папство в исполнительную канцелярию Гослара.

Погода благоволила возвращающимся домой воинам — над ослепительно белыми альпийскими пиками перевала Бреннер, куда уже подходил авангард, сияло яркое весеннее солнце, растапливая лед на каменистых тропах. В прозрачном, звенящем горном воздухе густо пахло талой водой, мокрой конской кожей, дегтярным варом и победой. Воинство шагало на север с громовыми саксонскими песнями, полное амбициозного оптимизма и абсолютной уверенности в нерушимом, светлом будущем Империи. В почетной кавалерийской хоругви, мерно грохоча тяжелой трофейной броней под развевающимися имперскими вымпелами, гордо ехал конный рыцарь Ульрих, крепко сжимая поводья своего дестриэ. Меч выскочки наконец-то вернул его роду законное дворянское право на землю.

Люциус де ла Коста не поехал с ними в Германию. Он стоял на открытой галерее Латеранского дворца в Риме, плотно кутаясь в скромную темную сутану имперского канцеляриста. Его лицо оставалось бледным, гладким и абсолютно непроницаемым, пока он провожал немигающим взглядом исчезающие на северном горизонте тевтонские вымпелы. Император оставил своего лучшего счетовода здесь, в Вечном городе, чтобы железной бюрократической хваткой разгрести руины папской канцелярии, пересчитать монастырские десятины и обуздать местный административный хаос. Генрих истово верил, что Железо его легионов навсегда взяло Дух под замок. Люциус знал, что это дорогое и временное заблуждение.

«Генрих считает, что приручил этот мир мечом, но он совершает фатальную ошибку, — Люциус цинично перевел взгляд на лежащие перед ним на конторке свежие пергаменты нормандской присяги. — Железо неизбежно ржавеет, а короли умирают. Твой Меч вечен лишь до тех пор, пока у тебя есть золото на оплату подков и овса. Император просчитал геополитическую уязвимость Гослара и увидел в этих норманнах дешевый и смертоносный материал войны, но он оставил их под присмотром слабой Бумаги».

Люциус едва заметно, леденяще улыбнулся, глядя на размашистые подписи Дрого Отвиля и Райнульфа. «Бароны Севера приняли титулы из рук кайзера только потому, что сейчас они нищи и объявлены висельниками. Но я остаюсь в этих стенах, чтобы встроить их в совершенно иные расчеты. Пройдет время, и когда Империя ослабеет, Рим перекупит этих волков с помощью легитимности и сакрального права. Мы обратим норманнский Железный Кулак против самой германской короны. Они станут стальным щитом Апостольского Престола, послушным орудием моих чернил. И они сделают латинскую веру абсолютной владычицей мира, а золото и пергамент Римской курии — единственными истинными хозяевами Ойкумены».

Канцелярист удовлетворенно вздохнул, бережно спрятал свежие пергаменты присяги в кожаный тубус имперского архива и обмакнул гусиное перо в чернильницу, открывая первый реестр новой Римской курии. Счета первой части были официально сведены и закрыты.

Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.